СТАТИИ / СТАТЬИ / ARTICLES

Емил Георгиев (София, Болгария)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРИГИНАЛЬНОЙ СТАРОБОЛГАРСКОЙ АГИОГРАФИИ

Начав свою жизнь переводами, староболгарская литература была обогащена и оригинальными произведениями — в первую очередь гомилитическими, поэтическими, полемическими и агиографическими. Ее основоположник Константин-Кирилл Философ, который до создания славянской письменности проявился как автор подобных произведений, написанных на греческом языке, сравнительно легко перешел от византийской литературы к староболгарской, располагая искусным писательским пером, и создал образцы оригинального словесного творчества на староболгарском языке. После его преждевременной кончины, Мефодий понял, что молодая славянская литература нуждается в обогащении как по линии переводов, так и по линии оригинальных произведений, чтобы стать живым органом создаваемой новой духовной жизни славян. Среди разрабатываемых жанров занимают свое место и агиографические.

Оригинальная староболгарская агиография была вызвана к жизни прежде всего смертью дивного Константина-Кирилла. Надаренный необыкновенной прозорливостью Мефодий, который решает выполнить завет своего брата и продолжить начатое дело — становление славянской церкви и создание славянской письменности, — понял, что для утверждения этого дела должна быть утверждена и личность его инициатора и творца, Кирилла. Этого можно было бы лучше всего достичь, написав его житие. Для его прославления путем написания жития существовали благоприятные условия благодаря уважению и популярности, которые он приобрел среди римского гражданства в связи с открытием и перенесением мощей римского святого Климента в столицу западной христианской церкви. Останки Кирилла — можно сказать — лежали рядом с останками этого святого и это делало его как бы равным ему, наделяло его святительским ореолом. Так как Мефодий был братом великого деятеля, то не на его долю выпадало написать житие Кирилла, и он возлагает составление его своему ученику, вероятнее всего Клименту — будущему деятелю и святителю Охридской епархии. Конечно, Климент был вполне подготовлен к осуществлению подобного дела, но за ним, несомненно, стоял и его учитель и вдохновитель, т. е. Мефодий. Задуманное житие могло быть пространным — и возникает таким. Пространное житие было в состоянии охватить всю значительную жизнь и всю всеобъемлющую деятельность родоначальника сла-

вянской письменности, защитить его от возможных нападок и прославить его. Возникает первое агиографическое дело староболгарской литературы — замечательная „биография" Константина-Кирилла Философа, известная ныне и как Паннонская легенда о св. Кирилле.

Все сказанное весьма логично и соответствует характеру деятельности Мефодия, но оно должно было бы быть согласовано с данными, которыми мы располагаем о возникновении Пространного жития Кирилла и прежде всего должно быть доказано раннее происхождение этого жития — его возникновение вскоре после смерти Кирилла, пока Мефодий еще был жив. Действительно раннее возникновение этого жития защищалось почти с момента его введения в литературу, но надо было привести также и факты, которые превратили бы убеждение в реальность. Убеждение зиждилось, главным образом, на достоверности исторического материала, на котором строилось житие. Все же оставалось сомнение, потому что история всегда смотрит подозрительно на соображения, извлекаемые из литературного анализа. А были исследователи, которые относили возникновение памятника ко времени возникновения его списков, дошедших до нас.

Сорок лет тому назад в докторской диссертации „Итальянская легенда", защищенной в Венском Университете,[1] вопрос о раннем возникновении этого жития нашел благоприятное решение. На помощь пришла так называемая Итальянская легенда, латинский памятник, хорошо известный тем, кто занимается вопросом о Кирилле и Мефодии. Долгое время, почти до середины XIX века, когда в науку были введены так называемые Паннонские легенды, т. е. Пространные жития Кирилла и Мефодия, исследователи даже считают ее самым важным источником по этому вопросу[2].

После того как было предпринято изучение обоих житий, была замечена связь Итальянской легенды с Пространным житием Кирилла. Связь была раскрыта в дословном совпадении длинных абзацев — сведений, описаний, мыслей. Должен был возникнуть вопрос кто у кого заимствовал — автор Итальянской легенды у автора жития Кирилла, или автор жития Кирилла у автора Итальянской легенды. Этот вопрос, естественно, приводил к вопросу когда возникли оба памятника — более ранний должен был бы быть указан как источник при определении взаимозависимости между ними.

Возникновение Итальянской легенды относили к периоду от IX до XIV века. Ее первый издатель Геншен считал, что она возникла в IX веке, и приписывал ее современнику Кирилла и Мефодия епископу Гаудериху Веллетрийскому. До обнаружения Паннонских житий это мнение господствовало. Однако позже появилось сомнение в ее старинности и накопились аргументы в пользу мнения об ее более позднем возникновении. Наиболее далеко с этим мнением зашел исследователь „главных источников для истории св. св. Кирилла и Мефодия" А. Воронов[3]. По его мнению, Итальянская легенда возникает во время, когда в Чехии и Моравии при Карле IV (т. е. в XIV веке) оживает предание о древней славянской церкви и поднимается вопрос о церковном праздновании памяти ее первосоздателей Кирилла и Мефодия. Старинность

---

[1] E. Georgiev. Die Italienische Legende. Sofia, 1939.

[2] Впервые Итальянская легенда опубликована с заголовком Vita cum translatione s. Clementis. Ex codice Francisci Duchesne в издании боландистов Acta Sanctorum. t. II, p. 12—22 Godefroi Genchenius, в Антверпене. Рукопись, по которой сделано издание, всего лишь немного старее его. Более поздние издания сделаны по этому изданию. См. Легенду у А. Т.-Балана. Кирил и Методий. II. С., 1934, с. 196—200, или у Ал. Милева. Жития на Климент Охридски. С., 1960, с. 135—143, где этот памятник придружает болгарский перевод.

[3] А. Воронов. Главнейшие источники для истории св. св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.

Итальянской легенды защитил В. Ягич[4], однако, не будучи в состоянии привести решительные аргументы в ее пользу. В 80-тых годах прошлого века были опубликованы две студии, посвященные специально этому памятнику: русского католика П. Мартынова[5] и русского слависта П. А. Лавровского[6]. В то время как Мартынов защищает старинность Итальянской легенды, Лавровский считает ее делом западно-славянских католиков XIII или XIV веков.

Очевидно в указанных мнениях сталкиваются две позиции, которые являются не только позициями науки: исследователей католиков и исследователей православных; католики защищают ее старинность, православные отрицают ее старинность и считают, что преимущество имеют славянские исторические источники.

Между тем взгляд о старинности памятника получил новые солидные аргументы с открытием одного письма Анастасия Библиотекаря веллетрийскому епископу Гаудериху.[7] И не только взгляд о старинности памятника получил новые аргументы, но вообще исследование получило возможность представить этот памятник в новом свете.

Письмо Анастасия Библиотекаря указывало, что Итальянская легенда восходит к деятельности веллетрийского епископа Гаудериха. (Веллетри — древний итальянский город близ Рима). Имя Гаудерих напоминает имя Гондрих, упомянутое в Пространном житии Кирилла как имя одного из обоих епископов, которые посвятили „славянских учеников"[8]. Главная церковь в епископском городе Гаудериха, Веллетри, была посвящена св. Клименту, который согласно местной традиции, в раннехристианское время, I век, был первым веллетрийским епископом. Гаудерих, следовательно, занимал епископский престол, который, согласно местной традиции, когда-то занимал св. Климент. Это было причиной того, что Гаудерих стремился создать культ Климента. В Риме он строит в его честь очень красивый ораториум, причем расходует на это все свое состояние. Задумывает и его житие. Перенесение мощей Климента в Рим несомненно побудило всю эту деятельность. Как известно, мощи святого переносят в Рим Кирилл и Мефодий, в 868—869 гг. При составлении жития Гаудерих обратился за сотрудничеством к дьякону Иоанну, который уже был известен как биограф, и даже папа Иоанн VIII возлагает на него составление Жития Григория Великого. Но нельзя считать, что сам он не участвовал в его составлении. Он собирает материал для него, ему принадлежит его окончательная редакция. Созданное произведение он посвящает современному папе Иоанну VIII, который содействовал при выполнении его инициатив о прославлении раннего римского папы. (Собственно Климент был предстоятелем Римской церкви; в его время титул „папа" еще не был введен.)

Итальянская легенда является лишь частью труда Гаудериха, той, которая охватывает открытие мощей св. Климента и перенесение их в Рим. Так как при открытии и перенесении мощей святого главную роль играет

---

[4] V. J a g i ć. Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius. Archiv für slavische Philologie. IV 1880, S. 97 ff.

[5] P. M a r t i n o v. La Légende dite italique des saints Cyrille et Méthode. Revue des questions historiques, 1884, p. 110 s.

[6] П. А. Л а в р о в с к и й. Игальянская легенда. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1886, ч. CCLVI, с. 17 сл. и 234 сл.

[7] J. F r i e d r i c h. Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof von Velletri über die Abfassung der „Vita cum Translationes. Clementis Papae". Eine neue Quelle zur Kyrillus- und Methodius-Frage. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Hist. Klasse. München. 1892. S. 393—442.

[8] „По семь повелѣ папа двѣма епископома, Формѣсоу и Гондрнхоу, свѣтнтн словѣньскые оученикы." — Цитирую Пространное житие Кирилла по изданию А. Т.-Б а л а н а, Кирил и Методий, I, 1920.

Константин-Кирилл, то пишущий уделяет значительное место его жизни и деятельности.

Источники, из которых Гаудерих собирает материал для Итальянской легенды, могут быть установлены путем сравнения с соответствующими памятниками, в которых сообщается кто и как нашел мощи святого и в которых рассказывается о жизни и деятельности Константина-Кирилла и об открытии и перенесении мощей св. Климента в Рим. Это: письмо Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху, сочинения Константина-Кирилла о Клименте и его мощах и труд, который воссоздавал жизнь и деятельность Константина-Кирилла, каковым является Пространное житие Кирилла.

Свое письмо Гаудериху Анастасий Библиотекарь пишет по поводу его просьбы указать ему и прислать сведения о святом. Анастасий Библиотекарь славился как самый ученый человек в Риме. О первых частях жития он мог сразу дать требуемые сведения, но о последней части — открытии мощей святого в Херсоне и их перенесении в Рим он не располагал сведениями. Теперь, около 870 года, когда во время VIII собора христианской церкви, он посещает Константинополь, ему удается получить такие сведения благодаря митрополиту Митрофану Смирненскому, который, как сторонник патриарха Игнатия, был сослан (с августа 858 г.) в окрестности Херсона. Анастасий узнает, что Константин-Кирилл, который перенес мощи Климента в Рим, сам их открыл. Кроме того Анастасий приобрел все три произведения Константина-Кирилла, написанные им при открытии мощей: так называемую Краткую историю („Brevis historia", краткую историю открытия мощей), Торжественную речь („Sermo declamatorius"), торжественную речь, произнесенную при этом событии) и Гимн („Hymnus"), написанный во славу святого. Анастасий перевел первые два произведения на латинский язык и послал их Гаудериху. Третье произведение, Гимн, он не захотел перевести, так как боялся, что он не будет в состоянии соблюсти его стихотворный размер. При написании Итальянской легенды были использованы как оба произведения Константина-Кирилла, так и письмо Анастасия, содержащее сообщения Митрофана.

Свои сведения об обретателе и переносителе мощей, т. е. о Константине-Кирилле, Гаудерих заимствует из Пространного жития Кирилла. В Итальянскую легенду включаются прежде всего краткие сведения о рождении Константина, о его способностях, о его первом посещении Константинополя, сведения, которые даются подробно в первых главах Пространного жития Кирилла. Дальше сходство является полным. Сравните:

Итальянская легенда главы 1—2:	Пространное житие Кирилла глава VIII
Tunc temporis ad praefatum imperatorem Casarorum legati venerunt, orantes ac supplicantes, ut dignaretur mittere ad illos aliquem eruditum virum, qui eos fidem catholicam veraciter edoceret; adjicientes inter cetera, quoniam nunc Judaei ad fidem suam, modo Saraceni ad suam nos convertere e contrario moliuntur. Verum nos ignorantes ad quos potissimum nos transferamus, propterea a summo et catholico imperatore consilium quaerere nostrae fidei ac salutis de-	Приидоше же сьли кь цароу оть козарь глаголюще: ꙗко испрьва ѥдиного бога знаѥмь, иже ѥсть надь вьсѣми, и томоу се кланꙗѥмь на вьстокь, и обычаѥ своѥ ины стоудьны дрьжеще. Ѥвреи же оустеть ны вѣроу ихь и дѣтѣль приѥти, а срацини на дроугоую страноу мирь дающе и дары многы, тежоуть ны на свою вѣроу глаголюще: ꙗко наша вѣра ѥсть добрѣиши всѣхь ѥзыкь. То сего ради

crevimus, in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. Tunc imperator simul cum patriarcha consilio habito, praefatum philosophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorifecentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.

сьлѣмь кь вамь староую дроужьбоу
и любовь дрьжеще, кзыкь бо вели
соуще царьство отъ бога дрьжите;
и вашего сьвѣта вьпрашающе проснмь
моужа книжьна отъ васъ, то по ва-
шоу се вѣроу имемь. Тогда вьзискавь
царь фнлософа и нзобрѣтъ ськаза
немоу козарьскоу рѣчь глаголе: иди
фнлософе кь людемь снмь, и сътвори
нмь слово и отвѣтъ о свѣтѣи троицн
сь помоцию кіе, нны бо никътоже не
можетъ достонно сего сътворнти...
чьстьно иди сь царьскою помоцию.

E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens venit Chersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est, ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum demoratus...

Абие же поутн се къ, и Херсона дошьдь наоуун се тоу жидовьсцѣи бесѣдѣ и книгамь... и отъ бога разоумь
прнемь унстн наче книгы бес порока...

Следует отметить, что существовало мнение, согласно которому не автор Итальянской легенды заимствовал материал из жития Кирилла, а наоборот: автор жития Кирилла заимствовал из Итальянской легенды. Это мнение является несостоятельным. Несостоятельным является также и мнение о „самостоятельности" при написании обоих памятников. „Самостоятельность" обоих произведений защищает и В. Ягич[9]. Для того, чтобы аргументировать свое мнение, Ягич отмечает различную обработку „хазарского эпизода" обоих памятников (гл. 6 Итальянской легенды). Однако даже поверхностный взгляд на этот эпизод в Итальянской легенде и в житии Кирилла убеждает нас, что автор Итальянской легенды заимствовал из жития Кирилла. Этот эпизод приводит письмо хазарского кагана византийскому императору. Хазарский каган (хан) сообщает в своем письме об успехе хазарской миссии Кирилла. И в то время как в житии Кирилла письмо кагана приведено целиком, в Итальянской легенде передано лишь его содержание. В житии Кирилла указано число греческих пленных, которых каган освободил по настоянию Кирилла. В Итальянской легенде лишь упоминается, что были освобождены пленные. Так как Гаудерих получил свои сведения о событиях в Херсоне от Анастасия Библиотекаря и так как Анастасий Библиотекарь не говорит в своем письме о письме кагана, сведения о письме и из письма кагана могли быть взяты лишь из жития Кирилла.

Попав на богатый материал об „обретателе" и переносителе мощей Климента, Гаудерих широко использует его. С одной стороны, он хотел воздать заслуженное „обретателю и переносителю" святого, с другой стороны, он был увлечен и покорен его большой и светлой личностью. Образ Константина-Кирилла и изложение его деятельности занимает такое широкое место в памятнике, что исследователи в прошлом считали Итальянскую легенду сочинением, посвященным не Клименту, а славянскому первоучителю. Однако, зная задачу Гаудериха: создать обширное житие Климента, мы не можем сомневаться

[9] И. В. Ягич. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла. Приложение к LXXII-му тому Записок Импер. академии наук. № 6. С.-Петербург, 1893.

в том, что Константин-Кирилл, также как и Мефодий, образ которого появляется в самом конце произведения, занимают в нем подчиненную роль.

Использование жития Кирилла автором Итальянской легенды является свидетельством того, что Житие Кирилла возникло раньше Итальянской легенды. И так как мы в состоянии определить время возникновения Итальянской легенды, то можем определить и время возникновения жития Кирилла.

Как я отметил, Итальянская легенда посвящена папе Иоанну VIII. Это значит, что она возникает тогда, когда папа еще был жив. Папа Иоанн VIII умирает в 882 году. Становится явным, что эта легенда возникла до этого года, т. е. до 882 года. При ее написании использовано Пространное житие Кирилла. Приходится сделать вывод, что это житие написано также до 882 года.

Исследовательская работа над Итальянской легендой раскрыла все это, когда в одной пражской библиотеке был открыт П. Мейвертом и П. Девосом новый список памятника, содержащий введение и текст, представляющий первую часть сочинения, посвященного св. Клименту Римскому. Памятник создан заботами Гаудериха Веллетрийского. Эта рукопись подтвердила изложенные тезы.[10] Позже оба автора сделали некоторые уточнения и дополнения.[11]

В новооткрытом тексте специально отмечено, что при написании этого произведения был заимствован материал из славянской рукописи („Ex Sclavorum litteris"). Что это за рукопись мы уже знаем — житие Константина-Кирилла. Становится явным, что Пространное житие Кирилла действительно возникло в раннее время, ранее Итальянской легенды, и могло послужить ее источником.

Во-вторых, становится явным, что житие не было написано на греческом языке, как думают некоторые исследователи, а на староболгарском.[12]

Впрочем, сам составитель жития удостоверяет это. Так, в гл. X жития сообщается, что автор (или авторы) жития использовал при составлении его книги Кирилла, которые Мефодий перевел на славянский (староболгарский) язык, лишь сократив свои первоисточники.[13] Ясно, что он написал свой труд на славянском (староболгарском), раз использует славянские переводы, которые лишь сокращает.[14]

Существенное значение для возникновения староболгарской агиографии имеет установление, что Пространное житие Кирилла написано до 882 года. Так как брат и сподвижник Кирилла Мефодий умирает в 885 году, то из этого следует, что житие было написано тогда, когда он еще был жив. Если Мефодий был жив, когда было написано житие, нельзя думать, что оно написано без его участия. Так как само житие исключает Мефодия как его автора,[15] он дал основные и достоверные сведения о жизни и деятельности Кирилла тому (или тем), кто его написал (написали).

---

[10] Сравни P. Meyvâert et P. Devos. Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la „Légende italique" résolues grâce à un document inédit. Analecta Bollandiana LXXIII, 1955, p. 375 s.

[11] La date de la première rédaction de la Légende italique. Sammelband Cyrillo-Methodiana, zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven (863—1963). Köln-Graz, 1964, S. 57 ff.

[12] Мнение, что Пространное житие Кирилла было написано сначала на греческом языке поддерживают видные специалисты — А. Воронов в труде Главнейшие источники для истории св. св. Кирилла и Мефодия, В. Ягич, в Архиве славянской филологии, IV, с. 97 сл., В. Вондрак, в Журнале чешского музея 1897 г. с. 339. — Сравни P. A. Lavrov, Die neuesten Forschungen über den slavischen Klemens, Archiv für slavische Philologie, XXVII 1905, S. 362.

[13] По изданию А. Т.-Балана. Кирил и Методий. I, с. 52.

[14] См. такой же вывод из языкового анализа обоих Паннонских житий у В. Погорелова. На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития? Byzantinoslavica, IV 1932, с. 13 сл.

[15] Авторы или автор жития называют Мефодия „наш учитель".

А кто его написал? Один или двое из ближайших учеников Кирилла и Мефодия. Надо иметь в виду того или тех, кто был наиболее искусен в отношении писательских способностей. Наиболее искусным был Климент, позже Климент Охридский, автор многих произведений староболгарской литературы, дошедших до нас. Но за писателем — хотим еще раз подчеркнуть — стоял Мефодий. Мефодий подкреплял воображение писателя действительными случаями.

Житие Кирилла не было известно лишь Анастасию Библиотекарю в Риме. Оно стало известным и канцелярии папы, и самому папе. Об этом говорит тот факт, что в своем письме князю Святополку от 880 года папа Иоанн VIII, разрешая славянское богослужение, приводит как основание в пользу этого те же аргументы, которые употребляет и Константин-Кирилл в своих прениях с триязычниками в Венеции, приведенных в житии Кирилла, гл. XVI. Сравни:

Житие Кирилла, гл. XVI

Вь Венетии... сьбраше се на нь ѥпискоупи и попове и чрьноризьци... и вьздвигоше триѥзычноую ѥресь глаголюще:... Мы же три тькмо ѥзыкы вѣмы, имиже достоить вь книгахь славити бога... Отьвѣща же философь кь нимь:... Како вы не стыдите се три ѥзыкы мьнеще тьчию... Аще ли не хощете оть сихь разоумѣти, понѣ оть книгь познаите соудию. Давидь бо вьпиѥть глаголѥ:... Хвалите бога вьси ѥзыци, и похвалите ѥго вьси людиѥ, и вьсако дыханиѥ да хвалить господа. Вь ѥѵаггелии же глаголѥть... И пакы тьжде... Матѳеи же рече:... шьдьше оубо наоучите вьсе ѥзыкы... И се азь сь вами ѥсмь вь вьсе дьни... И Марко пакы: шьдьше вь мирь вьсь проповѣдите ѥѵаггелиѥ вьсеи твари... Павль рече: (На края на главата) И вьсакь ѥзыкь исповѣсть, ꙗко господь Исоусь Христось, вь славоу богоу отьцоу, аминь... (По-рано) Кореньѳиномь же Павль рече: велюже вьсѣмь вамь глаголати ѥзыкы... Тако и вы, понеже ѥсте ревнителѥ доуховьныимь, кь сьзданию црькви просите... Тѣмь же ѥзыци не соуть вь знамениѥ вѣрьныимь нь невѣрьныимь...

Письмо папы Иоанна VIII

Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis dominum laudare auctoritate sacra monemur, quae praecipit dicens: laudate dominum omnes gentes, laudate (et collaudate) eum omnes populi. Et apostoli repleti spiritu sancto locuti sunt omnibus linguis magnalia dei. Hinc et Paulus, coelesti quoque tuba insonant monens: omnis lingua confiteatur, quia dominus noster Jesus Christus in gloria est dei patris. De quibus etiam linguis in prima ad Corinthios epistola satis et manifeste nos admonet, quatenus linguis loquentes ecclesia dei aedificemus. Nec sanae fidei, vel doctrinae aliquid obstat, sive missas in eadem sclavinisca lingua, canere, sive sacrum (sanctum) evangelium vel lectiones divinas novi et veteris testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere: quoniam qui fecit tre linguas principales, hebraeam scilicet, graecam et latinam, ipse creavit et alias omnes ad laudem et gloriam suam.[16]

[16] Письмо приводим по изданию А. Т.-Балана. Кирил и Методий. II. С., 1934, с. 220 сл.

(Слова апостола Павла цитированы в житии довольно подробно).

Пространное житие Кирилла не остается единственным агиографическим делом самой ранней славянской литературы, развивающейся в великоморавский период. Рядом с ним стоит и пространное житие, посвященное Мефодию.

Нет точных указаний когда возникло Пространное житие Мефодия. Но следует считать, что ученик или ученики Кирилла и Мефодия, которые написали Пространное житие Кирилла, позаботились о том, чтобы и Мефодий получил подобное житие. Это было тем более нужно в то роковое для славянской церкви и письменности время, которое наступило непосредственно после смерти Мефодия. Оно возникло, несомненно, в Моравии.

Само житие поддерживает наше утверждение. Так, в его заключении говорится, что после смерти учителя ученики Мефодия еще не разбрелись, что славянская церковь и письменность еще не были разгромлены, в нем лишь чувствуется нависшая над ними опасность. Вот это заключение: „А ты, святая и честная голова, посматривай своими молитвами свыше на нас, желающих тебя. Избавь своих учеников от всякой напасти, распространи учение и прогони ереси, так чтобы живя здесь достойно своему званию, мы встали с тобою, твое стадо, по правую руку Христа. . .“[17] О пережитой тревоге перед опасностью того, что „стадо“ Мефодия может быть изгнано и может быть ликвидирована славянская церковь и письменность в Моравии особенно свидетельствуют слова: „живя здесь достойно своему званию“.

Действительно ученики Мефодия остаются в Велико-Моравии недолго после смерти Мефодия. Но они несомненно имели достаточно времени для того, чтобы написать житие,[18] тем более, что составление его включается в борьбу, которую они ведут за сохранение дела Мефодия.

Пространное житие Мефодия находится в тесной связи с Пространным житием Кирилла. Оно значительно короче жития Кирилла, более, чем в два раза короче. Так как в известном смысле оно является продолжением жития Кирилла и было предназначено для тех же читателей, для которых было определено и житие Кирилла, оно не рассказывает о событиях, рассказанных в житии Кирилла. Так в нем не говорится о пребывании братьев в Паннонии, несмотря на то, что это пребывание сыграло большую роль в деятельности Мефодия. Однако в нем говорится много нового о пребывании братьев в Риме. И т. д.

На каком языке было написано житие?

Как продолжение жития Кирилла, оно было написано на том же языке, на каком было написано и житие Кирилла — на староболгарском. Это следует специально подчеркнуть, потому что в прошлом существовало довольно распространенное мнение о первоначальной греческой версии[19].

И кто его написал? Ученик или ученики Мефодия. Об этом специально свидетельствует само житие, автор или авторы которого называют Мефодия

---

[17] „Ты же съвыше свѧтаꙗ и чьстьнаꙗ главо, молитвами своими призираи на ны, желающаꙗ тебе; избавлѧи отъ вьсѧкоꙗ напасти оученикы своꙗ, и оучение пространѧꙗ, а ереси прогонѧ, да достоино зъваниꙗ нашего живъше сьде станемъ с тобою, твое стадо, отъ десноую страноу Христа. . .“ — Пос. изд., с 96 сл.

[18] А. Воронов. Главнейшие источники для истории св. св. Кирилла и Мефодия, с. 107 сл.

[19] Этого мнения придерживался и Фр. Миклошич, который высказался лишь о первоначальном варианте жития Мефодия — F. Miklosich. Die Legende vom hl. Cyrillus. Denkschriften der kaiserl. Akademie der Wissenschaften Philos.-histori. Classe. Bd. XIX. Wien, 1870, S. 205.

„наш учитель“: „Бог. . . возвеличил на доброе дело нашего учителя, блаженного Мефодия.“[20]

У нас есть основания считать, что житие было написано тем же автором или же теми же авторами, которые написали житие Кирилла. Защищая тезу об одном и том же авторе обоих житий, А. Воронов и В. Вондрак сопоставляют их тексты и ищут аргументы в совпадениях.[21] Совпадения текстовые и словарные. Текстовые совпадения, однако, не вполне убедительны. Что собственно указывает Воронов, чтобы описать один и тот же писательский образ автора обоих житий? Что автор был очень образованным богословом, который знал в совершенстве Писание, что имел склонность к аскетической жизни. Однако это характерные черты средневекового писателя вообще. Что касается словарных совпадений и совпадений выражений, приведенных Вороновым, то, как указывает и Вондрак, они не неповторимы.

И несмотря на все эти возражения, сделанные нами, трудно можно отбросить мнение об одном и том же авторе (эвентуально авторах) обоих житий. Само собой разумеется, что составление жития Мефодия было поручено тому же лицу (эвентуально лицам), которое написало и житие Кирилла, или, по меньшей мере, что это лицо приняло деятельное участие в составлении жития Мефодия.

Автором жития следует считать Климента — значительно увереннее, чем когда указываем этого самого выдающегося книжника, вышедшего из школы Кирилла и Мефодия, автором жития Кирилла. Говорим „значительно увереннее“, потому что он лучше всех знал жизнь Мефодия. Об этом говорит его Пространное житие, написанное Феофилактом Охридским или Болгарским. Здесь читаем: „А он знал жизнь его (Мефодия) как никто другой, потому что еще будучи молодым пошел за ним и своими глазами видел все дела своего учителя.“[22]

Сравнивая оба жития — житие Кирилла и житие Мефодия, — сразу замечаем различие в рассказе о молодых годах Константина и молодых годах Мефодия. Рассказ о молодых годах Константина подробный, рассказ о молодых годах Мефодия бедный. Причину этого следует видеть в том, что писатель или писатели жития Кирилла располагали таким источником, каким был Мефодий, который хорошо знал молодые годы своего брата. Писатель или писатели жития Мефодия не могли располагать подобным источником — детские годы Мефодия были весьма отдаленными для учеников Мефодия, не было никого, кто бы знал их.

Не вдаваясь в какой бы то ни было более подробный анализ первых староболгарских житий, хочу отметить, что они имеют в наибольшей степени реалистический характер. Этот характер обусловливается тем, что писатель и писатели знали лично своих „героев“, а знали их лично и первые читатели написанных ими произведений. Так что святительская „идеализация“ и романтические „подвиги“ „героев“ были бы неуместными. Отсюда происходит и та разница между староболгарскими житиями и произведениями современной византийской агиографии, которую отметили и некоторые исследователи.[23]

---

[20] „Бог. . . на добрꙑи чинъ въздвиже нашего ѹчителꙗ блаженаго Меѳодиꙗ“ — Пос. изд., с. 86.

[21] А. Воронов, Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия, с. 33 сл., V. Vondrák, Studie z oboru církevněslovanského písmnictví, Praha 1903, str. 67 n.

[22] Теофилакт Охридски. Житие на Климент Охридски. Изд. Ал. Милев, С., 1955, с. 76.

[23] Сравни M. Murko, Geschichte der älteren südslavischen Literaturen. Leipzig, 1908, S. 61 f.; F. Grivec. Acta Academiae Velehradensis. XVII. Olomucii, 1941, str. 19 n.

Оба староболгарских жития являются житиями исторических деятелей, в то время как византийские агиографы рисовали „подвиги" календарных святых.

Правдивость рассказа в обоих литературных трудах засвидетельствована историческими памятниками, имеющими документальную ценность. Так, в житии Кирилла главы с эпизодами из Хазарской миссии, открытие мощей Климента, вести о сочинениях, написанных по этому случаю, совпадают со сведениями, которые дает об этом моменте жизни Кирилла и его дела Анастасий Библиотекарь, или с рассказом Слова об открытии и перенесении мощей Климента, или со сведениями, которые получил для своего сочинения автор Итальянской легенды. Кроме того при построении рассказа жития использовались мысли Кирилла, которые нам известны из сочинений Кирилла. С другой стороны, рассказ жития Мефодия в неменьшей степени совпадает с фактами, которые содержатся в латинских документах — письмах и других письменных документах, написанных папой, и письмах, вышедших из папской канцелярии.

Конечно, жития содержат и агиографические моменты. Вперемежку с агиографическими элементами излагаются, например, детские годы Кирилла. Агиографическое и действительное здесь трудно отделить одно от другого, но в стиле агиографии указано число детей Льва — семь, среди которых Константин самый младший — седьмой ребенок; когда Константину было 7 лет, он видел во сне свою „избранницу" — Софию, т. е. премудрость, и т. д. Агиографическим является момент, когда „царь" разговаривает с Константином-Кириллом и возлагает на него моравскую миссию. Кое-где, но очень редко автор жития считает описываемые случаи чудотворными. Таким представляется случай с заколоченным гробом Кирилла, который не могут вскрыть, или с „пророчествами" Мефодия. Однако можно принять, что рассказанные случаи произошли, неприемлемыми являются лишь намек о чуде или толкование автора жития как чудо.

Рассказывая о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, автор или авторы житий поставили перед собой задачу восхвалить дело создателей славянской письменности, представить его как крупное дело возвышенных деятелей, защитить и пропагандировать его. Образы Кирилла и Мефодия вырастают перед читателями как образы скромных и высоко талантливых, очень просвещенных, благородных и героических борцов.

Особенно Кирилл изображен как всесторонне надаренная личность. Он филолог, философ, богослов. Еще ребенком он стремился к премудрости, к науке. Автор жития рассказывает с эпической щедростью о его „пророческом" сне, в котором он выбирает себе „подругой" и „помощницей" премудрость. К премудрости обращен также и случай с соколом, отнесенным ветром, который учит его не тратить свои дни по пустому „в суматохе жизни". Жажда к науке молодого Константина, и при этом к грамматике, столь необходимая для его будущей деятельности создателя славянской письменности и книги, для его переводческой работы, изображена в „действии" в эпизоде с иностранцем, которому Константин говорит: „Возьми всю долю, которая причитается мне из отцовского дома, но научи меня (грамматике)!"

Оба жития, вопреки своей документальности, говорят читателю (или в эпоху Средневековья часто слушателю) с характерными для эпического повествования приемами и манерами. Если у Средневековья есть свои герои в лице боговдохновленных рыцарей христианской религии, которые совершают подвиги высочайшей нравственности или во имя правды, то Кирилл и Мефодий являются именно такими героями, которые, однако, не только оставляют след подвигов как сеятели христианской религии, но и рассеивают перед собой средневековый мрак, всепобедно несут факел славянского просвещения

и правды. Героика произведения раскрывается в борьбе и победе Мефодия над латинско-немецким духовенством.

Перед Кириллом, еще очень молодым, раскрываются двери дворца византийского императора. Его прения представляют собой „словесный огонь", который испепеляет аргументы противников. Еще совсем молодой он побеждает вожака иконоборцев — бывшего патриарха! Его словесный поединок с вожаком иконоборцев дан как борьба маленького Давида с огромным Голиафом, в котором Давид побеждает. Он громит сарацинов так, что они, исполненные злобой, хотят отровить его. Гордый своей победой над своими противниками у хазар, самоуверенно и даже вызывающе он говорит: „Если еще остался кто-нибудь, кто может противопоставиться, пусть прийдет чтобы одолеть меня в споре или быть побежденным!"

Создание славянской письменности Кириллом рисуется как акт необыкновенного подвига, дерзновенной мысли и светлых дарований. Кирилл ведет разговор о славянской письменности с самим императором (который, как известно, ни мог, ни имел намерения заниматься подобными вопросами):

Император сказал: „Знаю, что ты завален работой, философ, но нужно, чтобы ты отправился туда; никто другой не может справиться с этим кроме тебя."

Константин ответил: „Хотя я и устал и болен, с радостью отправлюсь туда, если у них есть буквы на своем языке."

Царь заметил: „Мой дед и мой отец и многие другие нскали это и не могли найти, как же я могу его найти?"

В ответ Философ спросил: „Но кто может написать беседу на воде и прослыть еретиком?"

И несмотря ни на что Кирилл создает славянские буквы и славянскую книгу.

Характеристика Мефодия дана непосредственно и в действии. В непосредственной характеристике Мефодий сравнивается с признанными в ту эпоху великими деятелями, называемыми „угодниками" (бога), „одним из них он был равен, немногих он был меньше, а по отношению остальных он был более велик". Надаренных словом он превзошел делом, а людей дела — словом. При этом славянский просветитель возвеличен богом „в хороший чин" благодаря славянскому народу, о котором никто никогда не позаботился.

Характеристика Мефодия „в действии" содержит не меньше черт положительного, наступательного героя, героики. Так, пророческое дарование Мефодия дерзко предвещает судьбу западнославянских князей. Одному сильному языческому князю, который владел землями около Вислы и который издевался над христианами, Мефодий предложил принять христианство, „чтобы не пришлось ему сделать это как пленнику на чужой стороне". Когда князь отказался сделать это, сказаное Мефодием сбылось.

Жизненный путь Кирилла и Мефодия всюду дан с акцентами, которые раскрывают светлые горизонты перед взором. Искусно подобраны эпизоды, чтобы подчеркнуть именно те стороны характера и деятельности их, которые делают их великими и незабвенными в истории славянских народов. Кирилл, побеждая в словесной борьбе врагов христианства и славянского просвещения, и Мефодий, бесстрашно отстаивая позиции славянства в Моравии, разносят правду и готовы на любые жертвы за нее. А эта правда в том, чтобы славяне получили богослужение и письменность на своем языке. Это справедливое дело, это дело прогрессивное и необходимое. Авторы вкладывают в свои произведения любовь и ненависть — любовь к лучезарным образам славянских просветителей и ненависть к врагам славянского просвещения. Триязычники и вихинговцы вдохновлены дьяволом, они лжецы, бесскрупульные обманщики, еретики. Кирилл и Мефодий и правда торжествуют над ними, голос славянской книги чистый и ясный, голос мракобесия и реакции гнусавый.

Восхваляя Кирилла и Мефодия, жития утверждают их дело. И несмотря на восхваление, их образы действительны, романтика в них бьет ключом из действительности. И увенчанные ореолом святости, они остаются убедительными — потому что в действительности борцы за славянское просвещение, прекрасны, смелы и героичны, они мудрые и не знающие отступления, мученики и победители.

Рассказ житий безыскуствен, естествен. Стиль соответствует внутренней правде, которую оба литературных памятника раскрывают.

Со всеми этими качествами успех обоих житий необыкновенно велик. Они являются, может быть самым лучшим, а также и самым оригинальным, что может указать староболгарская и вообще старая славянская агиография. Житие Кирилла ставилось наравне с житиями прославленных „отцов церкви", причем таким образом жизнь Кирилла и Кирилл считались образцами достойными подражания. Так в Симеоновом (Святославовом) сборнике от 1076 года в похвалу книжной науке упоминается житие Кирилла наряду с житиями прославленных византийских строителей христианской церкви Василия Великого и Иоанна Златоуста: „Послоушаи ты житьѧ свѧтааго Василиѧ и свѧтааго Кирилла Філософа и инѣхъ многъ свѧтыихъ, како и ти съпьрва повѣдають и нихь книгъ, тоже и на добраѧ дѣла подвигноушасѧ."

После разгрома славянской церкви и славянской письменности в Великоморавии развитие оригинальной староболгарской агиографии продолжается в Болгарии. Вообще староболгарская литературная деятельность в Болгарии, поддерживаемая болгарскими владетелями Борисом и Симеоном, возрастает количественно и расширяет свой объем. Ученики и последователи Кирилла и Мефодия создают в Болгарии ряд новых жанров. Среди этих жанров находит свое место и жанр краткого жития.

Четыре кратких жития, возникших в Болгарии, привлекают или должны привлекать внимание исследователей, прослеживающих возникновение самого раннего развития староболгарской агиографии: Краткое житие Кирилла, которое называют еще и „Успение Кириллово"[24], Краткое житие Мефодия[25], Житие Климента Охридского, не дошедшее до нас, но присутствие которого наблюдается в основе Пространного жития Климента, написанного Феофилактом Охридским, и Житие Наума (самое старое)[26].

Все эти четыре жития близки по духу и характеру. Они принадлежат одному циклу житий, возникшему на живом еще воспоминании и глубоком уважении к создателям славянской книги, церкви и школы Кириллу и Мефодию и к первым строителям культурной и литературной, церковной и школьной жизни в Болгарии Клименту и Науму.

Начало жития Наума содержит явное указание на существование одного, я бы сказал, Охридского цикла житий. Это начало гласит: „И пусть, братья, не останется забытым брат этого блаженного Климента и его друг и сострадалец, с которым он перенес много бед и страданий от еретиков, Наум, который был пресвитером."[27] Автор этого жития очевидно располагал другими тремя житиями — Кирилла, Мефодия и Климента.

---

[24] См. это житие у Иорд. Иванова. Български старини из Македония. С., 1931, с. 283—288.

[25] Это житие помещено в том же издании, с. 288—290.

[26] Там же, с. 305—311.

[27] „И се же братіе да не останеть безь памети брать сего блаженнаго Климента и сьподроугь и състрастникь, съ ним же и пострада многыи бѣды и страсти ѿ еретигь, Наоумь презвитерь сы."

Все четыре жития построены как продолжение одно другого. Прежде всего житие Кирилла рассказывает об „отечестве" Кирилла и о происхождении Кирилла. О Мефодии долго не идет речи, а когда его имя появляется, автор упоминает его без каких бы то ни было пояснений и подробностей. Мефодий упоминается мимоходом как соратник Кирилла. Явно, что автор задумал написать отдельное житие о нем. Перечисляя поименно ближайших участников в деле славянской письменности и церкви, он также не пускается в подробности. Житие Климента расскажет в дальнейшем более подробно о судьбе сотрудников моравского периода и о прибытии троих из них в Болгарию. Житие оканчивается внезапно более подробными сведениями о смерти Кирилла, из-за чего получает название „Успение Кирилла". Не следует ничего другого, это другое будет рассказано в следующих трудах.

Следующее житие — это житие Мефодия. Оно представляет собой продолжение жития Кирилла. Его краткость по сравнению с житием Кирилла обусловливается тем, что значительная часть данных о жизни и деятельности Мефодия включаются в изложение, посвященное Кириллу в первом житии.

Как Краткое житие Кирилла представляет собой извлечение из Пространного жития Кирилла, так и Краткое житие Мефодия представляет собой извлечение из Пространного жития Мефодия. Но автор или авторы обоих житий делают к ним прибавления смелой рукой, очевидно на основании полученных данных из источников, которым они верят. Житиеописатель Кирилла добавляет имя матери Кирилла (и Мефодия) — Мария, сообщение, что Кирилл был „болгарином по роду", описание просветительской деятельности Кирилла по реке Брегальнице, во время которой Кирилл пишет „книги" о принявших крещение славянах, имена видных учеников Кирилла (и Мефодия) и др. Житие Мефодия добавляет описание могилы Мефодия, неупоминаемое ни в одном другом источнике. Описание места, где был похоронен Мефодий, могло возникнуть в раннее время — как непосредственный рассказ сподвижника Мефодия; позже могила Мефодия была предана анафеме и забвению. Становится явным, что житие Мефодия имеет раннее происхождение и свидетельствует о раннем происхождении цикла.

Житие Климента не дошло до нас в своем славянском первообразе. Но и оно связывалось с циклом — с одной стороны, с житиями Кирилла и Мефодия и, с другой стороны, с житием Наума, как это видно из первоосновы написанного Феофилактом Охридским пространного жития. В нем продолжался рассказ жития Мефодия о судьбе дела Кирилла и Мефодия в Велико-Моравии. Житие Мефодия заканчивается смертью Мефодия. В нем ничего не говорится об эпической борьбе за утверждение и сохранение славянской церкви и славянской письменности в Моравии.

Житие Наума представляет собой завершение цикла житий. Об этом достаточно ясно говорит его цитированное начало: „И пусть, братья, не останется забытым и брат этого блаженного Климента. . . пресвитер Наум." По своей краткости и сжатости оно напоминает нам житие Мефодия. Эта краткость и сжатость обусловливаются той же причиной, что и краткость, и сжатость жития Мефодия. Значительная часть данных о жизни и деятельности Наума включается в изложение о жизни и деятельности Климента в житии Климента.

Житие Наума ясно связывается с житием Климента. И не только с его цитированным началом. Когда он его пишет, житиеписец исходит из рассказанного о Клименте. Начиная биографию Наума, он сообщает: „Когда рукоположили Климентом епископом, тот же благоверный царь Симеон допустил его друга Наума стать учителем на его место." Пропущена деятельность Наума как сподвижника Кирилла, Мефодия и Климента, так как она описана в житиях Кирилла, Мефодия и Климента.

Житие Наума содержит специальное указание, что его автор уже писал о событиях в Велико-Моравии: „И се же вѣдомо боуди въсѣмь почитающомꙋ, ꙗкоже прѣжде написахомь, ꙗко еретіци ѡвы моучише много, а дроугыѥ продаше жидомъ...“ Эти события были изложены в житии Климента. Это житие смело прибавляет события после изгнания учеников Мефодия из Моравии: „А Морвскаа землꙗ, ꙗкоже бѣ прорекль ст҃ыи Меѳѡдіе архіепіскопъ, за безаконіа дѣлма дѣль ихъ і ересы, и за изгнаніе правовѣрныих ѿць, и за страсти ихже пріеше ѿ еретікъ, имже ѡны вѣроваше, в скорѣ мьстъ пріеше ѿ бг҃а. Не по мноѕѣх же лѣтѣх пріидоше Оугри пеѡн'скіи езыкь, и поплѣнише землю их и опоустише ю. Ихже бѡ не поплѣнише Оугри, то в Бльгари бѣжааше. И ѡста землꙗ ихъ поуста Оугромъ вь власть.“ Из заключительной части становится совершенно явно кто и когда написал житие: написал его ученик Климента после смерти Климента по настоянию „четвертого епископа на славянском языке Марка“, который тоже был учеником Климента.

В заглавиях и введениях житий можно прочесть те же житийные выражения и формулы. Житие Кирилла имеет заглавие: „Житіе и жизнь прѣподобнаго ѡтца нашего Кѵріла Філософа“ и начинается словами: „Сего прѣподобнаго отца нашего Кѵріла отьчьство имѣше тръславныи и великыи градь Сѡлоунь.“ Житие Мефодия начинается словами: „Памѧть вь свѧтых по истинѣ прѣподобною отцоу нашею и архиѥпископоу моравьскою... Сыи оубо блаженныи и прѣподобныи отьць нашь Методиѥ архиѥпископь выш'нѧж Моравы, брат сѫщь прѣподобнааго Кирила Философа, прьвааго сучителѣ словѣньскыхъ книгь родомь сѫща солꙋнѣнина.“ Житие Наума имеет заглавие: „Паметь прѣподобнаго отца нашего Наꙋма.“

Итак, все четыре жития образуют один цикл, который возникает рано и ведет к Болгарии Бориса и Симеона, к Охридской школе Климента.

Этот цикл житий распадается на две части: Житие Кирилла и Житие Мефодия, с одной стороны, и, с другой стороны, Житие Климента и Житие Наума. Первые два жития были написаны одним автором, вторые два жития — другим.

Кто автор первых двух житий? Этот вопрос связан и с вопросом когда эти жития возникли.

В прошлом исследователи обращают особое внимание на возникновение Краткого жития Кирилла из-за важных сведений, которые встречаются в нем.

Известный издатель источников о Кирилле и Мефодии В. Бильбасов высказал мнение, что этот памятник ранний.[28] Он предшестовал Пространному житию Кирилла (Паннонской легенде Кирилла), которое возникло из него путем дополнения и расширения изложенных фактов и случаев. Против мнения Бильбасова выступил А. Воронов.[29] Считая этот памятник компилятивным, возникшим на базе Пространного жития Кирилла, Пространного жития Климента, написанного Феофилактом Охридским, и некоторых других памятников, он указывает время его происхождения — в конце XI или в начале XII в. Воспринимая основные мысли Воронова, П. Лавров считает его еще более поздним памятником — XIII века.[30] Подобного мнения придер-

[28] В. Бильбасов. Кирилл и Мефодий. II. С.-Петербург, 1871, с. 61.

[29] А. Воронов. Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия, с. 203.

[30] П. Лавров. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. у Київі, 1928, с. 170.

живается и А. Т.-Балан, который в примечаниях к изданию памятника отмечает, что важная весть, которая встречается в нем — о деятельности Кирилла по р. Брегальнице, „могла быть заимствованной" из сравнительно поздней Солунской легенды.[31]

Мнение Бильбасова, согласно которому Краткое житие Кирилла предшествовало Пространному житию и было его первообразом, не может быть защищено. Как я уже указал, Пространное житие является чрезвычайно ранним памятником, написанным непосредственно после смерти Кирилла, самое позднее до 882 года, в то время как Краткое житие было написано в Болгарии после разгрома славянской церкви и письменности в Велико-Моравии, как это явствует из его болгарской атмосферы.

Неправы и те, кто считает, что это житие является поздним памятником, компилированным на основе Пространного жития Кирилла, Пространного жития Климента, так называемой Солунской легенды и др.

Начнем с опровержения того мнения, что при составлении жития использован самый поздний упомянутый памятник — так называемая Солунская легенда.[32]

Своим содержанием, плодом довольно свободной фантазии, Солунская легенда не могла бы предложить *ничего* так трезво рассказывающему автору жития. Первый памятник превращает в легенду дошедшие вести о Кирилле, второй памятник стремится излагать факты, повторяет дословно, хотя и сокращенно, рассказ Пространного жития, повторяет, как я подчеркиваю ниже, характеристику Кирилла из его похвалы, написанной Климентом Охридским, и не претворил бы заимствованные из Солунской легенды вести, если бы она была его источником. Однако вполне приемлемо обратное положение: что весть о деятельности Кирилла по р. Брегальнице перешла прямым или косвенным путем из Краткого жития в Солунскую легенду, превращая образ Кирилла в образ болгаро-славянской мифологии.

Предположение, что при составлении Краткого жития Кирилла использовано Пространное житие Климента, также должно быть отброшено. Воронов и другие упомянутые авторы считают, что имена ближайших учеников Кирилла и Мефодия перечисляются в рассматриваемом памятнике по житию Климента. Сравнение обоих памятников, однако, не поддерживает подобное мнение. Житиеписец Кирилла упоминает учеников Кирилла и Мефодия, когда рассказывает о смерти Кирилла в Риме. Он перечисляет их в следующем порядке: Климент (названный „епископ Величский"), Савва, Ангеларий, Горазд, Наум. Житиеписец Климента не уделяет места, чтобы говорить о присутствии сподвижников Кирилла при смерти Кирилла. Действительно он перечисляет два раза имена видных учеников Кирилла и Мефодия, но по другим поводам и в другом порядке. Первый раз он перечисляет их в конце второй главы, когда говорит о создании азбуки, о переводе священных книг и об обучении учеников. Они перечислены в следующем порядке: Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва. Второй раз он их перечисляет в начале двенадцатой главы, где идет речь об их преследовании. Здесь порядок их следующий: Горазд, Климент, Лаврентий, Наум, Ангеларий. Кроме имен учеников — думает Воронов — автор жития Кирилла заимствовал из Простран-

---

[31] А. Т.-Балан. Кирил и Методий. II. С., 1934, с. 115—118.

[32] См. Солунскую легенду в издании Иорд. Иванова. Български старини из Македония, с. 282 сл. и в новоболгарском переводе П. Динеков, К. Куев и Д. Петканова, Христоматия по старобългарска литература, София 1961, с. 98—110. В своих примечаниях к тексту произведения в Хрестоматии также отмечено, что сообщение о деятельности Кирилла по р. Брегальнице „по всей вероятности" было перенесено в житие Кирилла из Солунской легенды.

ного жития Климента и весть о деятельности Кирилла среди болгарских славян.[33]

Продолжая свои мысли, русский исследователь доходит до фантастических предположений. Используя житие Климента, автор жития Кирилла смешал Кирилла с Климентом, приписывая деятельность Климента по р. Брегальнице Кириллу. Он даже заимствовал число учеников Климента, упомянутое в житии — 3500, и отнес его к числу крещенных Кириллом славян. Так как житие Кирилла не говорит о 3500 человеках, принявших крещение, а о 4050 (Воронов игнорирует вариантом 50 000, соответственно 51 000), русский исследователь использует невероятные комбинации для того, чтобы согласовать оба числа.

Пространное житие Климента действительно относит исторические лица и события, в которых принимают участие Кирилл, Мефодий и Климент, к Болгарии. Но ни о каком влиянии с его стороны на житиеписеца Кирилла не может быть и речи, потому что житиеписец Кирилла не приписывает неболгарские события болгарам, а лишь добавляет один эпизод из деятельности Кирилла к наличным сведениям о ней в Пространном житии Кирилла. Наоборот, путаница, которую допускает житиеписец Климента, связывая некоторые положения и некоторых лиц с Болгарией, может быть объяснена, если принять, что Краткое житие Кирилла оказало влияние рассматриваемым важным абзацем при его написании.

Изучение Краткого жития Кирилла несомненно должно отвести нас к раскрытию его отношения к Пространному житию Кирилла, вопрос, который поднял еще Бильбасов. Раскрывая это отношение, мы наталкиваемся на необыкновенно большую близость. Воронов определяет Краткое житие как „сокращение и обобщение“ Пространного.[34] Одновременно с этим отмечает, что подобной близости нельзя наблюдать между другими памятниками.[35]

Чем обусловлена эта близость? Обыкновенным списыванием?

Как я отметил, Пространное житие Кирилла было написано близким учеником или близкими учениками Кирилла и Мефодия. Я указал на Климента Охридского как на наиболее вероятного автора. Климент участвовал в составлении жития, и даже если оно является делом усилий более, чем одного, авторов.

Климент развивает большую литературную деятельность, поселившись в Охридском крае. Между прочим он почувствовал большую потребность написать произведения о своих учителях и утвердить их дело. Свидетельством этому является прежде всего Похвала Кириллу, дошедшая до нас, в сопровождении с его авторским именем. Похвала не могла исчерпать его ревностного отношения к Кириллу. Он пишет и Краткое житие Кирилла и Краткое житие Мефодия, приспособленные к тем читателям, о которых его житиеписец говорит, что они не в состоянии принимать „более неудобоваримую пищу“[36]. Многие подробности и прения в Пространных житиях для новых условий были излишними. Опуская их, Климент внес и кое-какие новые сведения. Одно из них относится к известной новым читателям деятельности Кирилла — его деятельности среди болгарских славян, а другое было описанием могилы Мефодия. Наталкиваемся и на одну поправку. Согласно Паннонскому житию, Кирилл учился вместе с царем, т. е. с Михаилом III. Однако,

[33] А. Воронов, Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия, с. 197.

[34] Там же, стр. 194.

[35] Там же, с. 193.

[36] Теофилакт Охридски. Житие на Климент Охридски, пос. изд., с. 76 и сл.

когда Кирилл учился, Михаил III был еще малолетним. Климент поправляет: учился с племянником царя Михаила.

Анализ Краткого жития Кирилла раскрывает неожиданные данные о его происхождении и об авторе. Я отметил, что житие хранит живое воспоминание о последних часах Кирилла, свидетелями которых были его ученики. В нем рассказывается: „Затем он принял монашеский сан и тогда получил имя Кирилл. В монашеском сане он прожил 50 дней. И узнав о своем преставлении, вызвал своего ученика, который был епископом в Ликии (т. е. епископа Величского), Савву, Ангелария, Горазда и Наума. И просветив их и научив православной вере, предал свой дух в руки божии.“[37]

Два момента в цитированном абзаце имеют существенное значение для раскрытия раннего времени написания и автора жития.

Первый момент — это умалчивание имени Климента и замена его выражением „который был епископом Величским“. Не следовало ли бы думать, что единственно Климент умолчал бы свое собственное имя, будучи автором жития?

Второй момент, который ведет к авторству Климента, это выражение „Научил их православной вере“ („И о православнои вѣре наꙋчивь ихь“).

Это выражение относится к произведению Константина Философа „Написание о православной вере“ и к тому предсмертному часу первоучителя, в котором он — как узнаем из самого „Написания“ — продиктовал его кому-то из своих учеников.[38] Кто мог воссоздать с этой подробностью предсмертный час Кирилла? Несомненно это был кто-то из учеников Кирилла, присутствовавших при его смерти в Риме. В связи с фактом умолчания имени Климента (как имени автора), этот факт снова приводит нас к Клименту как автору жития.

Если это житие вышло из-под пера Климента, то можно было бы ожидать, что будет известное сходство не только с Пространным житием, но и с другими произведениями, посвященными Климентом Кириллу, с Похвалой Кириллу. Такое сходство действительно замечается.

Краткое житие так характеризует славянского просветителя: „Тъй же Констандінъ, измлада чистотоѭ ꙗко ангелъ оукланѣѧсѧ, и бѣгаѧ житейскихъ сластеи, и прѣбываѩ присно въ ѱалмѣхъ и пѣниихъ, и послоушаніи доуховныхъ, въсегда единь пѫть гонѧ.“

Буквально такую же характеристику читаем и в Похвале Кириллу: „Измлада же бысть чистотоѭ ꙗко аггелъ, оукланѣѩ сѧ и оубѣгаѩ отъ житеискыихь сластеи, прѣбываѩ присно вь ѱалмѣхъ и пѣниихь и вь поꙋчении доуховнѣ, единъ пѫть гонѧ, имже вьзыти на небеса.“[39]

Очевидно, только один и тот же автор может выразить одним и тем же образом свое преклонение перед одним и тем же человеком. Автор указан в заглавиях похвалы — Климент.

Если Краткое житие Кирилла имеет раннее происхождение и даже, если следует приписать его авторскому перу Климента, который написал его в

---

[37] „По том вьспріеть мнишьски образь. И тогда наречень бысть Кѵриль. Прѣбысть вь томь мнишьскомь образѣ. Н҃. дни. И ꙋведевь о своемь преставлении, призва ꙋченика своего, иже бысть епископь вьликѵе, Саве, Ангелара, Горазда, Наꙋма. И сихь ꙋвѣщавь и о православнои вѣре наꙋчивь ихь, и тако прѣдасть доухь свои вь рꙋцѣ божи.“

[38] Ср. автора. Кирил и Методий — основоположници на славянските литератури. С., 1956, с. 221 и сл.

[39] По изданию А. Т.-Балана. Кирил и Методий. I, с. 110.

бытность свою учителем или епископом в Македонии, то очевидно, что известие о деятельности Кирилла в Македонии заслуживает доверия. И не только потому, что мы можем предполагать, что Климент узнал об упомянутом в житии факте из уст самого Кирилла или от Мефодия. В то время, когда житие возникает, многие из крещенных Кирилом были еще живы, так что Климент и его сподвижники могли во время своей деятельности в Македонии получить сведения о ранее неизвестном им подвиге своего прямого и духовного учителя.

Приведенные доказательства о составлении Краткого жития Кирилла Климентом являются доказательством написания также и Краткого жития Мефодия им же. Здесь следует принять во внимание отношение Краткого жития Мефодия к Пространному житию Мефодия, связь Краткого жития Мефодия с Кратким житием Кирилла и отношение его к нему, содержащееся в житии описание могилы Мефодия, что свидетельствует о том, что житие это является делом сподвижника Мефодия, и т. д. Конечно, надо принять во внимание и тот факт, что Климент был самым подходящим автором для написания жития.

Жития Климента и Наума являются новым моментом в возникновении и начальном развитии староболгарской агиографии, потому что староболгарская агиографическая деятельность была продолжена и более молодыми строителями болгарской литературы — учениками учеников Кирилла и Мефодия. Оба жития являются делом одного автора. Собственно нам известно непосредственно лишь его житие Наума. Но из этого жития становится явно, что кроме жития Наума, он написал житие и Климента, о чем можем почерпнуть данные из жития Климента, написанного Феофилактом Охридским.

Пространное житие Климента, которое Феофилакт пишет на греческом языке, содержит явные следы славянского первообраза. Используя славянское житие, Феофилакт пропускает выражения, которые могут принадлежать только непосредственному ученику Климента, каковым он сам не был. Так, в житии, написанном Феофилактом, читаем такой абзац: „А нас, смиренных и недостойных, из-за величия своей доброты он нас сделал более близкими, чем других, и мы всегда были с ним, присутствуя при всем, что он делал, что говорил и чему учил посредством одного и другого. Мы никогда не видели его бездействующим, но он или учил детей и при этом разными способами — одним показывал формы букв, другим объяснял смысл написанного, а третьим прилаживал руки, чтобы они могли писать, и не только днем, но и ночью, или предавался молитве, или занимался чтением, или же писал книги, а иногда в одно и то же время делал два дела: писал и преподавал детям какое-нибудь знание, потому что знал, что безделие учитель всякого зла, как сказала устами одного из своих служителей мудрость, учительница всякого добра.“[40]

Судя по житию Феофилакта, первичное житие Климента было значительно богаче по содержанию, чем житие Наума. И это вполне естественно. Как ученик Климента житиеписец располагал значительно бо́льшим числом данных о Клименте и личными наблюдениями о его деятельности. Он дал сравнительно обширный рассказ о борьбе учеников Мефодия после смерти Мефодия, о прибытии Климента в Болгарию, об его деятельности в Македонии. Обо всем этом он узнал от самого Климента. Что касается изложения собственных наблюдений автора, то он мог войти в такие подробности, какими не располагал для жития Наума. Приведенный выше отрывок из жития, который начинается словами „А нас, смиренных и недостойных. . .“, совсем в стиле третьей части жития Наума и здесь проявлена как скромность автора, так и его склонность передавать свои переживания, впадать в лирический тон.

[40] Теофилакт Охридски. Житие Климента Охридского, пос. изд., с. 72 сл.

Житие Наума содержит данные, из которых можем судить когда, где и при каких обстоятельствах работал его автор.

Самое большое значение имеет абзац, в котором он сообщает, что был учеником Климента, что сам задумал написать свой труд, но получил вдохновение сделать это со стороны владыки, который тоже был учеником Климента: „Се же самъ доноудих се, паче же влка ме пооусти, иже и такоже сего блженнаго Клімента оученикь бывь.“ Так как Климент развивает свою учительскую деятельность до 893 г., то он родился около 870, самое позднее до 875 г. Пишет свои жития после смерти Климента и Наума, т. е. после 916 года. Вероятно он принялся писать жития лет десять после смерти Климента, потому что называет Симеона „царем“ (Симеон отмечен как царь в 924 г). Допущение Иорд. Иванова, что титул „царь“ может быть был поставлен вместо „князь“ более поздними переписчиками[41], кажется нам мало вероятным, если принять во внимание, что ученики Мефодия, прибывшие в Болгарию, включительно и более молодые, о которых говорит Пространное житие Климента, уже умерли.[42]

Однако, когда этот книжник пишет, еще были живы воспоминания о Клименте и Науме.

Он работает в Деволе и Девольском крае, где он был в близких отношениях с епископом. Здесь был епископом ученик Климента Марк, который заставлял его заняться написанием житий. Марк должно быть стал епископом после смерти Климента.

Житие Наума представляет собой простой, безыскусный рассказ, в котором его автор излагает собранные данные о жизни и деятельности одного из строителей славянской церкви и письменности. Не честолюбие книжника заставляет его писать, а желание сохранить в памяти поколений образ выдающегося просветителя. Излагает прежде всего то, что сам слышал от своих учителей. Прославленные строители нового славянского просвещения были скромными и не говорили много о себе и о своих делах.

О жизни и борьбе Наума в Моравии он может сообщить лишь то, что он выстрадал много „от еретиков“. Его деятельность в Македонии изображена лишь упоминанием наиболее значительных проявлений: был послан сюда в качестве учителя на место Климента, который стал епископом. Был учителем 7 лет. Построил монастырь на выходе Охридского озера. Отказался от учительской профессии, живет 10 лет в монастыре. Умирает за 6 лет до Климента. Перед смертью принял высший монашеский сан.

Образ Наума обрисован не только шаблонно, но и бедно во всех отношениях: подвизался „в богоугодных делах“; сохранил свою девственность на всю жизнь.

Агиографический шаблон при обрисовке Наума говорит о том, что житиеписец не был так близок с Наумом, как с Климентом. В противном случае он бы его дал нам с большим изобилием реальных черт.

Если неизвестный житиеписец не смог воссоздать более менее полно жизнь, деятельность и образ Наума, то он заполняет немалую часть своего жития рассказом о событиях в Моравии-Панонии, о судьбе дела Кирилла и Мефодия там, о борьбе с противниками славянской церкви и письменности, о разгроме дела Кирилла и Мефодия.

---

[41] Иорд. Иванов. Български старини в Македония, с. 308.

[42] „И никтоже въ работоу не оумрѣ, нь ѡвіи въ Коньстантинѣ градѣ цр҃еми набдими покои пріеше, ѡвыи въ Бльгарскоу землю пришьше съ великою чьстію покои пріеше.“

О событиях в Моравии-Панонии после смерти Мефодия он должно быть узнал от Климента, может быть от Наума. Об этих событиях, однако, он, должно быть, собрал сведения и от других учеников — „более молодых“, чем Климент и Наум, прибывших в Болгарию через Венецию и Константинополь.

Довольно подробно рассказывается о судьбе „более молодых“ учеников Мефодия: как их мучили, продали как рабов, как их выкупил в Венеции византийский сановник, потом как их увезли в Константинополь, откуда некоторые из них переправились в Болгарию.

Замечателен также и абзац, в котором рассказывается об опустошении „моравской земли“ мадьярами. Об этом событии автор говорит с каким-то удовлетворением: вторжение мадьяр было как бы возмездием за беззаконные дела моравцев, за „ереси“, которые они насаждали, за страдания, которые они причинили славянским просветителям.

Автор противопоставляет оба момента один другому: в то время как ученики Мефодия закончили счастливо свою жизнь — они спаслись, похоронены в Византии, а в болгарской земле их прах покоится с честью, „моравская земля“ опустошена и остается под властью мадьяр: „Н ѡста землꙗ нхъ поуста Оугромь вь власть.“

Изложением событий после смерти Мефодия житие представляет собой чрезвычайно интересное и ценное продолжение Паннонских житий. Расска, о последовавших в Моравии событиях содержится не только в этом житииз но и в Пространном житии Климента. Но в это житие этот рассказ вошел из другого литературного труда того же автора — посвященного Клименту.

Автор сам чувствует, что его житие совсем бедно и в общих чертах прослеживает и обрисовывает жизнь и образ героя. Вот почему он отмечает: „А я, братья, окаянный испытал большую печаль, желая в воспоминание наших блаженных отцов найти их житие написанным полностью кем-либо, кто его знал с начала до конца, но не нашел такого. Потому что я мало знал, лишь столько, сколько сами блаженные отцы мне рассказали. И надо было писать, но я не смел, желая найти что-нибудь написанное. И если кто-либо найдет написанное другими, пусть не осуждает нас, бедных и простых. Впрочем я знаю, что отцы сделали много больше, знаю также, что они сделали много знамений. Но только это рассказали нам, а другое скрыли из-за своего смирения.“

Приведенные слова, как вообще и вся последующая часть жития представляют собой исповедь: автор начинает говорить о себе, описывает свой образ, свои условия, в которых работает. Перед нами встает образ средневекового писателя — искреннего, скромного, склонного к самобичеванию. Волнуется и скорбит о том, что не может найти больше материала о Науме, и его волнение и скорбь действительно трогательны. Он не отделяет себя от уровня обыкновенного читателя. Пишет житие с суеверной мыслью вымолить милость— опрощение грехов — у святых.

Описание жизненного пути Наума, исторические сведения об участи учеников Мефодия и „моравской земли“ и исповедь книжника обособляются последовательно в рассказе жития, так что оно распадается композиционно на три части. Каждая часть имеет свое содержание и свое значение как документ об одной важной эпохе исторической жизни болгарского народа. И несмотря на то, что первая часть, которая описывает путь и образ Наума, самая короткая, житие в целом несомненно выполнило свою задачу: популяризовать местного, славянского, болгарского святого, включая культ к нему в церковный культ с сотнями иноземными святыми. Одновременно с этим вместе с другими тремя житиями цикла — Кирилла, Мефодия и Климента — оно утверждает славянскую церковь и славянскую письменность в Болгарии.

* * *

В заключение можем сказать следующее.

Возникновением рассмотренных шести житий заложено начало важного раздела староболгарской литературы — староболгарской агиографии. Им староболгарская литература не только расширяет свой объем, но ярко проявляется и как оригинальная литература. Оба жанра — пространного и краткого житий — вводят образы и проблемы, которые придают ей новый смысл и новое значение по сравнению с существовавшей до тех пор литературой на славянском, т. е. на староболгарском языке. Образы славянских и болгарских деятелей и поставленные проблемы вторгаются в жизнь славян и болгар, чтобы пропагандировать и осуществлять новые общественные и политические идеалы. Оригинальность связывается с решением важных исторических задач и решая их, литература занимает место среди тех явлений, которые сопутствуют развитию народности, которые участвуют в определении национальной судьбы славян и болгар. Еще с самого своего начала агиографические жанры раскрывают необыкновенное богатство жизненных и идейных составляющих, литературных воплощений, выразительных средств, без которых не может существовать большая литература. Самые важные литературно-исторические и литературно-художественные категории — от спокойного эпического изложения до полемики и апологии — использованы для того, чтобы решать вопросы духовной и общественно-политической жизни, чтобы делать внушения и руководить. Первые образы славянских деятелей описаны так удачно, что остаются сиять в веках. Оригинальная староболгарская агиография, возникшая в раннее время, отклоняется от принятых в эпоху Средневековья европейских литературных форм для того, чтобы занять место в европейской жизни, чтобы решать ее насущные проблемы, чтобы способствовать развитию новых народов, которые после заката Античности начинают творить европейскую историю.